

Фотосъемка В.М.

5 мая прозаику, драматургу, публицисту Леониду Жуховицкому исполняется 70. Можете не верить, но это так. Впрочем, мне тоже не верится. Потому что только-только увидевшие свет статьи Жуховицкого, как и прежде, остры и остроумны, его пьесы — как всегда, злободневны, а новые повести — о вопросах дня сегодняшнего, то есть о нас с вами.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ: ЛЕГКО — ЭТО НЕПРОФЕССИОНАЛЬНО

с тем вне ее оказались потрясающе глубокие поэты-фронтовики Николай Панченко, Юрий Левитанский, Григорий Поженян, Давид Самойлов. Известность к ним, за исключением Окуджавы, пришла позднее, чем к представителям следующего за ними поколения, которые были открыты, — их просили прочитать, и они читали, причем читали с удовольствием, — и востребованы. И колоссальная эта востребованность объяснялась тем, что они были ровень со своим поколением и умели вместе с ним. А тот же Давид Самойлов поумнел много раньше читателя, потому тот его и меньше воспринимал. К тому же «шестидесятники» легко откликнулись на все новое в искусстве, порой они были экстравагантны, порой этипатировали. И это тоже сказывалось на популярности.

— Иногда кажется, что вы, молодые прозаики и поэты тех лет, были уверены в своей гениальности, мессианстве. Мне перекрестить-ся? Но как действительно кажется.

— Если и говорить о мессианстве, то только о коллективном. Никто не пытался определить перспективу, потенциал соседа. Мы играли в баскетбол и карты, отмечали вместе праздники и дни рождения, и никого не интересовало, что Наташка в будущем — НАТАЛЬЯ ДУРОВА, Женька — ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО, Вовка — ВЛАДИМИР СОКОЛОВ, Роберт — РОБЕРТ РОЖДИСТЕНСКИЙ, Юля — ЮЛИЯ ДРУНИНА. Иногда так хочется собраться всей компанией. Те, кто живы: Женья Евтушенко, Фазиль Искандер, Кирилл Ковальджи, Боря Никольский, Костя Ваншенкин, Роберт Рождественский...
— Рождественский умер.

— Никан не могу привыкнуть, что его нет. Он все время рядом... Мы были знакомы долгое количество лет! Я по-прежнему дружу с его женой... ох, вот опять... с его вдовой Аллой. А когда умер Булат, показалось — мир рухнет. Михаил Жванецкий удивительно точно сказал тогда: «Теперь между нами и бесчестием никого нет».

— Поредело ваше братство...
— Да, это было прекрасное студенческое братство, которое делилось не по курсам, а по симпатиям. Конечно, какие-то группы были, были и противостояния, но по каким причинам? Кто-то — за такую рифму, а кто-то — за другую. Кто-то считал лучшим поэтом Твардовского, а кто-то — Маяковского. Вот так мы жили, глупые и восторженные. Потом, повзрослев, каждый выбрал свою дорогу. И дороги разошлись... Вот представьте, что брат стал алкоголиком, но ведь от этого он не перестал быть братом! Бывает, скажешь ему: «Ну какая же ты сволочь! Ну как же тебе не стыдно?!» Но если надо помочь — поможем.

— А они... он поможет?
— Поможет, стыдно не помочь.
— Даже если в разных Союзах писателей?
— При чем здесь это? Разделение Союза писателей было условным и чуть ли не случайным. Присылали бумажку: «В каком союзе желаете состоять?» А кого-то дома нет, кто-то не счел нужным ответить, так что кто первым из отправителей этих посланий успел, тот в свои ряды человека и записал. Был случай: дал я рекомендацию вступлению одному парню, вторюю рекомендацию он взял у Наташи Дуровой. Так когда этот парень пришел сдавать документы, оказалось,

Досье «ВМ»

Леонид Жуховицкий родился 5 мая 1932 года в Киеве. Автор 35 книг и 15 пьес. Наиболее известны «Легенда о Ричарде Тिशкове», «Остановиться, оглянуться», «Девочка на две недели», «Счастливыми не рождаются», «Последняя женщина сеньора Хуана». По его книгам поставлено несколько фильмов, среди них — «Короткие встречи» и «Ребенок к октябрю». Произведения писателя перводились на 40 языков. Лауреат литературных премий. Секретарь Союза писателей Москвы. Член Комиссии по правам человека при президенте России. Преподаватель Московского международного университета, профессор Шведской писательской школы. Сейчас работает над новыми книгами — «Молитва атеиста» и «12 повестей о любви».

что мы с Наташей в разных союзах. Мы тогда с Риммой Казаковой подумали: а какая, в сущности, разница? Хороший поэт Наташа? Очень хороший. А человек? Замечательный! Так что за дело, где человек числится? Это как в ЖЭКе — ты в одном, а я в другом.

— Думаю, 10 лет назад у вас была менее терпимая позиция.

— Так и я был другим... Конечно, раскол произошел «на крови». Ведь существовали

«расстрельные списки», и, как мне сказали, в них числился. Эти «списки» были составлены во время путча, и писателей, которые в них попали, в недалеком будущем предстояло ли ликвидировать, то ли изолировать. Один из литераторов на проходившем в то время Секретариате сказал, что грядет «большая кровь» и надо будет позаботиться о вдовах. Приятно, что о наших вдовах хотели позаботиться... Когда же после августовских событий был создан Союз писателей Москвы, на первом же собрании мы приняли решение, что будем защищать всех коллег, к какому бы лагерю они ни принадлежали. К счастью, никаких репрессий не последовало, так что и защищать никого не пришлось.

— А завершили путч иначе?
— Вы бы разговаривали с кем-нибудь другим. Но смерть троих ребят — нелепая, но отнюдь не напрасная! — так напугала путчистов, что они наперегонки бросились в Форос к Горбачеву. Они боялись пролить кровь, потому что понимали, что завтра может пролиться их собственная, а это не были люди, готовые жертвовать собой. Но кровь пролилась — и путч провалился.

— И в 93-м кровь пролилась...
— Ее было бы много больше, если бы у руля оказался Рущкой, который наверняка стал бы марионеткой в руках всяких подонков, тех отвратительных типов, что в дни потрясения часто оказываются на гребне волны.

— С возрастом люди становятся либо мизантропами, либо всепрощающими «божьими одуванчиками». Вы себя к кому причисляете?

— Если иного выбора нет, то, скорее, ко вторым. Знаете, из того, что происходит в России с 1985 года, мне нравится все — процентов на 80. Как прозаик и драматург я вынужден думать за своих героев. Потому-то у меня все герои положительные, даже если они убивают друг друга. Ведь у каждого свое оправдание, я каждого стараюсь понять. Да, я вижу все плохое, что есть в нашей жизни, но вместе с тем осознаю, что есть предел сил у любого человека — у Ельцина, у Путина... Главное — удержать страну в коридоре, избегая серьезных ошибок. Можно, конечно, и разгуляться — раздушишь плечо! — но для этого надо быть или законченным подделком, или идиотом. Пойди история иным путем, Россия могла погибнуть и в 91-м, и в 93-м. Пока эти безвольные, трусоватые политики соображали бы, что надо возвращаться в «коридор», от страны бы ничего не осталось.

— Дураков и негодяев везде хватает.

— Конечно. Начав бомбежки Югославии, американцы перечеркнули то, что я называю «глобальной моралью». Она была несовершенной, в чем-то безнравственной и подлой, но удерживала мир от большой войны. Тогда я написал статью «Цена раздавленной бабочки». Помните у Брэдли? Человек попал в прошлое, нечаянно раздавил бабочку, и через уйму лет, в его время, к власти пришел фашиствующий диктатор. Я написал, что когда начнут взрывать небоскребы, американцы вспомнят Югославию. А взрывать будут не обязательно подростки сербские дети... Мне даже в голову не могло прийти, что все произойдет так быстро. Но это не пророчество, просто я понимал, что слова «нравственно» и «безнравственно» после Югославии потеряли смысл. Отныне сила выше правды! Но у кого-то есть бомбардировщики, а в чьих-то рядах камикадзе на самолетах...

— Так что же сейчас надо писать? Романы-катастрофы? Романы-предупреждения? Поймут ли?

— Писать надо о любви. Любовь поймут всегда.